

В.И. Дружинина (Губкин)
TERTIUM NON DATUR

В статье обсуждается проблема национального характера в переломный момент русской истории сквозь призму религиозных идей и в контексте традиций русской философской мысли (на примере творчества Леонида Бородина).

The article is focused on the problem of national character at the crucial moment of Russian history in the light of religious ideas and in the context of Russian philosophic tradition (based on the works of Leonid Borodin).

Название статьи выбрано не случайно. Данная работа посвящена повести современного русского писателя Леонида Бородина «ТРЕТЬЯ ПРАВДА». Очень остро ставится проблема национального характера в переломный момент русской истории. Перед писателем встает вопрос о том, как могло случиться так, что русский народ стал пленником заманчивых, но несбыточных идей? Хотелось бы привести здесь слова С.Франка: «И все же, вне всякого ложного сентиментализма в отношении «народа», можно сказать, что народ в смысле низших классов или вообще толщи населения никогда не может быть непосредственным виновником политических неудач и губительного исхода политического движения по той причине, что ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях народ в этом смысле не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства» (Франк 1991: 481). Идеи этого «вдохновляющего меньшинства» нашли отклик в народе. По словам С.Франка: «... в силу исторических причин накопился, конечно, значительный запас анархических, противогосударственных и социально-разрушительных страстей и инстинктов...». Выпущенные на свет страсти, инстинкты, ненависть сокрушали на своем пути все и даже силу, породившую их. «Процесс этого постепенного вытеснения добра злом, света – тьмой в народной душе совершался под планомерным и упорным воздействием руководящей революционной интеллигенции» (Там же: 482).

В своей работе «Русская культура в современном мире» Д.С.Лихачев писал, что культура России иная по типу, чем культура Запада. Указывая на то, что искусство, музыка,

фольклор, летопись в XIII – XVII веке не уступали по уровню развития на Западе, он отмечал: «Но вот в чем Русь до XIX века явно отставала от западных стран, это наука и философия в западном смысле этого слова» (Лихачев 1991: 9). Но нужно отметить, что величайшего развития достигла духовная жизнь. В России, когда пришло время расцвета философии, эта наука приобрела в том числе и религиозный характер. Но увлечение философией и наукой в целом было уделом весьма немногих и часто воспринималось настороженно. По словам Н.Бердяева: «...самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям» (Бердяев 1990: 11). Только те идеи имели вес в интеллигентской среде, что могли обосновать, подтвердить определенные теории. «Любовь к уравниательной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовало любовь к истине...» (Там же: 17). В борьбе за счастье народа отбрасывалась истина как нечто ненужное, вредившее достижению благой цели. Эта любовь походила скорее на сиюминутную необходимость пожалеть и тут же использовать стремление человека к лучшей жизни в своих интересах. Борьба с самодержавием во благо народа вылилась в отрицание истины и добра. Возлагая определенную долю вины на часть интеллигенции, Н.Бердяев писал: «Все исторические и психологические данные говорят о том, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительную ценную потребность интеллигенции в органичном соединении теории и практики, «правды – истины» и «правды – справедливости» (Там же: 29).

Власть, явившаяся отражением интересом либо одной стороны, либо другой, не следовала истине. Она шла путем односторонней правды, которая была правдой и благом лишь для тех, кто ее провозглашал, и весьма сомнительной для тех, кому она предназначалась. Эта правда одних становилась злом для других. Предпочтение классовым интересам и отрицание человека-личности привело к тому, что ожидаемый положительный результат радикальных преобразований изменился на противоположный. Итак, истину подменили классовым интересом, а на долю народа достался вечный поиск своей правды, правды-приспособления.

«Противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли» (Бердяев 1990: 9), – справедливо полагал Н.Бердяев.

Мы считаем необходимым осмыслить некоторые проблемы сквозь призму религиозных идей и в контексте традиций русской философской мысли на примере творчества Леонида Бородин. Вся его жизнь и творчество дают нам основание для этого. Как писатель он стал известен своими зарубежными публикациями в конце 70-ых в начале 80-ых годов. За границей, переведенные на многие европейские языки, были напечатаны его первые прозаические произведения, в том числе повести «Гологор», «Третья правда», «Повесть странного времени», «Год чуда и печали». Первая книга на родине появилась в 1990 году. Начало же его творчества относится к концу 60-ых годов. К этому времени Л.Бородин стал членом Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа. Эта организация выступала резко отрицательно по отношению к существующему социальному устройству, которое базировалось на учении марксизма-ленинизма, указывала на его враждебность человечеству и необходимость его свержения. ВСХСОН высказывался за необходимость следовать традициям православия, русским национальным традициям. За участие в работе ВСХСОН Л.Бородин был арестован и провел 6 лет в заключении. Увлечение философией Н.Бердяева, работа в организации, последовавшие за этим годы неволи, оказали большое влияние на формирование мировоззрения Л.Бородина. В период с 1973 по 1982 год писатель занимается созданием журнала с национально-православной направленностью. Второй срок, последовавший за зарубежные публикации, закончился осуждением на 10 лет. После освобождения во времена Горбачева, писатель занимается творческой деятельностью. С 1992 года он – редактор журнала «Москва».

В общественной жизни Л.Бородин является сторонником консерватизма, считая православие и твердую государственность теми двумя идеями, на которых должна произойти консолидация нации. Л.Бородин не считает себя диссидентом, он не относится к шестидесятникам. В какой-то мере его можно отнести к писателям-деревенщикам как носителям традиций классической русской литературы, отведя ему особое место в современном литературном процессе.

Повесть «Третья правда» (1979), опубликованная впервые на родине в журнале «Наш современник» в 1990 году, послужила причиной для большой дискуссии, развернувшейся в печати. Уже само название повести заставляет обратиться к понятию «правда». В «Толковом словаре» дается следующая трактовка этого понятия: «ПРАВДА – 1. То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. 2. Справедливость, честность, правое дело» (Ожегов 1999: 576). В «Новейшем философском словаре» это же понятие имеет такое толкование: «Правда – в русской народной и философской культуре – узловое синтетическое понятие, обозначающее абсолютную истину, дополнительно фундируемую предельной персональной убежденностью его автора. Конституируя дополнительные «измерения» к истине, «правда» в русскоязычной традиции выступает синонимом слов: «закон», «справедливость», «правосудие, «обет», «обещание», «присяга», «правило», «заповедь» и т. п.» (НФС 2001: 89) Было бы более логичным привести здесь цитату и из «Философского энциклопедического словаря», относящуюся к понятию «истина»: «Истина, адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания; объективное содержание чувственного, эмпирического опыта, понятий идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике ее развития» (ФЭС 1983: 226).

Так о какой же правде идет речь в повести? Отвечая на вопрос, необходимо уточнить, что действие в повести охватывает значительный промежуток времени, начиная с гражданской войны и заканчивая послесталинскими временами. Действие происходит в Сибири, в таежных поселках. В повести «Третья правда» Л.Бородин показывает трагедию русского народа в послереволюционное время. Два типа русского характера даны в противопоставлении на протяжении всей их жизни. Один из главных героев, Иван Рябинин, своим внешним описанием похож на былинного богатыря Илью Муромца: высокий, широкоплечий, крепкий как кедр, сумрачный. Другой же герой, Андриан Селиванов, – внешне и внутренне полная его противоположность: невысокий рост, щуплый, пронырливый. Очень не похожи герои, но они находятся в постоянном взаимодействии, в притяжении, в дополнении друг к другу. Характеры

героев раскрываются через их отношение к власти, к человеку, к жизни вообще.

И Селиванов, и Рябинин воспитаны на традициях русской деревни, ее многовековым укладом. А ведь всем известно особое отношение русского народа к земле. В одной из своих работ Н.Бердяев указал, наверное, с горечью, что Россия – «... страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли» (Бердяев 1990: 16). В более поздней работе он уточнил: «У русских – иное чувство земли, и самая земля иная, чем у Запада. Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли» (Бердяев 2000: 242). Общеизвестно, что русский народ в один ряд с понятием «земля» ставит понятие «община», «мир». В миру человек живет, трудится сообща, по уже веками установленным правилам, где жизнь течет по нравственным законам. Вне этого мира и земли человеку жить невозможно. Н.О.Лосский обратил наше внимание на мысль Глеба Успенского, высказанную в работе «Власть земли» о том, что русский народ «...могучий и кроткий, покуда над ним царит власть земли. Оторвите крестьянина от земли, и настанет душевная пустота – пьянство, распутство, мошенничество» (Тимошенко 1990: 285).

Ни один из героев не является крестьянином, но у Бородина земля и тайга – понятия родственные. Рябинин, становясь егерем, подходит к своему делу с давно принятых обществом позиций. Хотя за послереволюционное время некоторые люди, соблазнившись на легкую добычу, и «позабыли» неписанные законы.

Егерь в повести не высказывает своего явного негативного отношения к советской власти, она для него существует как абстрактная власть, которая должна быть, Селиванов же властью недоволен, недоволен он и мужиком. Своим умом он постиг, что две силы – красные и белые – боролись друг с другом мужицкими жизнями. Его мнение, что всякую власть можно подправить в сторону мужика, имеет свое обоснование. Ведь он в одиночку отвоевал свой таежный участок у нескольких отрядов звездачей. Только такой Селиванов один, оттого-то он и упрекает мужика в бесхребетности. Народ не оказался мудрее, «не словчил», как это сделал отец Селиванова: «Батя-то мой и от красных и от белых отмахался и меня уберег. Пушай, говорил, они бьются промеж собой, а наша правда – третья» (Бородин 1992: 25).

Литературоведы, посвятившие свои работы повести, дают этому произведению неоднозначные оценки. Наиболее резкая критика звучит со стороны Л.Аннинского, считающего, что «сибирская повесть наименее удачна и наименее интересна...» (Аннинский 1990: 5). Остановливаясь на герое, он пишет: «В любой ситуации бородинский герой мгновенно выделяет «тех» и «этих» и в следующее же мгновение оказывается между ними, в «переплете», в «раздрае» и начинает искать путь, свой путь, третий путь» (Там же).

Коренным образом отличается подход к исследованию творчества Л.Бородина В.Верина. Он указывает на то, что очень трудно выжить человеку в мире двух правд, не разделяя ценностей ни одной из сторон. Ни белая правда, ни правда красных, по сути своей, не явила пример справедливого отношения к мужику. Герой повести А.Селиванов без видимых потерь проживает свой век: «Где умом, где хитростью и наигранной придурковатостью удастся ему сохранить независимость и прожить жизнь отстраненно от власти и людей» (Верин 1990: 4). По словам В.Верина, герой озлоблен, несчастен и растерян: «И вдруг понимаешь, что и «третья правда» – не правда, что жить «росомахой», то есть «не без подлости», незачем даже и в «кабаньем царстве» (Там же).

Со своим толкованием «третьей правды» выступает и О.Тимошенко. По ее мнению: «Третья правда – это закон, подобный законам природы, установившийся в незапамятные времена между людьми, живущими на какой-либо территории» (Тимошенко 1990: 205). С ее точки зрения «самостоятельность» и «третья правда» понятия взаимосвязанные. «Советскую же власть Селиванов не принимает потому, что она посягает на его самостоятельность – на его «третью правду», не «белую» и не «красную» (Там же: 204).

Т.Марченко определяет тему повести Л.Бородина как «нравственное измельчание современного человека»: «Не так ли, как «смятенный человек» Андриан Селиванов, герой повести Бородина, каждый из нас формулировал – всяк по-своему – «третью правду», таясь, не выступая в открытую, но и не желая гореть угольком в чужом костре...» (Марченко 1991: 9).

Еще одно толкование «третьей правды» предлагает Е.Клименко. Сравнивая законы зверей и законы людей, пишет: «И «третья правда» – правда «по нутру» – то застревает в

горле, то свинцовым грузом остается в жертвах Селиванова...» (Клименко 1991: 68).

С особым теплом о героях Л.Бородин повествует в своей статье П.Басинский. Он справедливо называет А.Селиванова наиболее интересным для автора и читателя персонажем: «... в Андриане Селиванове увидел Бородин образ той неразгаданной ни одним из «звездочек» и ни одним из белогвардейцев народной правды, которая позволила народу сохранить свою душу и лицо, не растратить их ни на одну из «идей» и не дать их погубить сторонним от народной правды людям» (Басинский 2002: 6).

И вот правда белых повержена, торжествует правда красных. Но действительно ли эта правда – справедливость? Почему власть, сосредоточившаяся у красных, не отвечает надеждам мужика? Казалось бы, ощущая безграничные просторы России, власть должна была быть добродушной, справедливой к своим гражданам. Но все обстоит как раз иначе.

К основным чертам русского характера относится любовь к свободе. Бегство крестьян на края государства, стихийные бунты – все это яркое выражение вольности русского характера, выражение своего отношения к несправедливости. Революция явилась результатом обостренного желания свободы до конца так и неудовлетворенного. Русская революция, имевшая целью построение идеально справедливой и свободной жизни, на самом деле «... развила жесточайший, неслыханный деспотизм, довела до крайних пределов вмешательство государства в человеческую жизнь и не обнаружила ни малейшей любви к свободе» (Франк 1992: 330).

По справедливости жить эта власть – средоточие красной правды – мужику не позволяет. А есть ли выход? Если по правде власти жить невозможно, то каждый должен жить по своей правде. Селиванова ни одна власть не устраивает, так как обе они против него. Он живет по-своему, не позволяя ни белым, ни красным взять верх над ним. Его поведение в жизни показывает, что в нем очень сильно развит инстинкт самосохранения. И поэтому Селиванов, не веря человеческим словам, не доверяя людям, на всякий случай, выходя из тайги, начинал притворяться, привирать. Характер его и без того хитрый с течением времени приобретает все более отточенные ловкачеством черты. Свою свободу Селиванов сначала отстаивает с оружием в руках, но затем его протест принимает более

мирные формы. Он просто не участвует в жизни общества, хотя становится отцом для детей Рябинина.

Характер Рябинина по сравнению с Селивановым более прямолинеен, он не умеет хитрить. Он представляется нам эдаким увальнем с чистой душой, стремящийся к порядку и справедливости. Но крепкий мужик оказывается наиболее уязвимым. Именно он пропадает на долгие 25 лет, теряет семью, любимое дело из-за того, что по совести исполнил свой долг. Прожив лучшие свои годы за решеткой, Иван нашел свое утешение в Вере. Жизнь, полную тяжких испытаний, несправедливости он принял со смирением. основополагающим качеством русского характера, по мнению Н.О.Лосского, является религиозность. Эту черту характера он связывает с исканием абсолютного добра, которое может быть достигнуто лишь в Царстве Божием. Это же свойство характера отмечал и Н.Бердяев: «Русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим... Русские люди из народного, трудового слоя, даже когда они ушли от православия, продолжали искать Бога и Божьей правды, искать смысл жизни» (Бердяев 2000: 239).

В финале повести автором представлена тайга, обезображенная «примашинными мальчишками», которые уже не осознают, что совершают зло. Возвращаясь в тайгу, Рябинин видит, что за его отсутствие все изменилось до неузнаваемости. Люди идут по родной земле как злодеи: грабя, круша, вырубая все вокруг. Что же случилось с ними, что они не ведают, что творят? Старику хочется узнать у молодых «что к жизни их побуждает». Рябинин идет на контакт с рабочими, чтобы научиться разговаривать со своим сыном, чтобы понять его. Знакомая работа по зимовью навевает ему мысли о том, что все можно починить и исправить, но «... но все требовало ремонта серьезного: печь, потолок, пол».

Молодежь легко, играя, разрушает спокойствие таежной жизни с задачей проложить высоковольтную линию. Соотношение: Рябинин и режущие бульдозеры – не в его пользу. Идея несправедливости в конце повести для героя разрастается до вселенского масштаба. Это уже не просто бульдозеры, а «... сам антихрист, веками таившийся и подличавший в невидимости, выпрыгнул из мрака и спешит с ненавистью разрушить на земле все живое в коротком времени Божьего попустительства»

(Бородин 1991: 60). Смерть Ивана, не нашедшего покой и любовь у вновь приобретенных дочери и внука, и «несмертельное» ранение вечновыживающего Селиванова, последние строки повести. Пройдя через испытания, уверовав в Бога, испив горькую чашу разочарования в настоящей, реальной жизни, Иван Рябинин простился с жизнью земной, своей праведной жизнью, не оскверненной дурным поступком, он приготовился к жизни вечной, которая будет для него заслуженно лучшей.

У каждого из бородинских героев своя правда. Каждый идет к ней трудным путем. Иван Рябинин, не принимая ни белой, ни красной правды, нашел свой путь, но этот путь привел его к краху семьи. Его правда оказывается совершенно не совместимой с правдой «звездачей». Автор сравнивает образ Рябинина с образом святого мученика. И смерть его тоже мученическая, в непонимании, в безысходности от безнравственного мира.

Селиванов свой путь проходит весьма непросто. Именно он провозглашает первым свою «третью правду». Его правда – правда самосохранения и выживания. Так как он понимает, что в бесчеловечное время самое главное уберечь себя и дорогих ему людей.

И.Штокман полагает: «В этом рассказе об историческом сломе некогда подлинно великой России, когда стал в ней устанавливаться закон, которому «соблюдаться нету мочи без револьвера», нельзя не заметить авторскую и отнюдь не благостную, но требовательную любовь к русским людям» (Штокман 1992: 183). Судьба людей не может быть иной, чем судьба их земли. Косвенно или непосредственно они участвовали в судьбе своей родины. Увлечшись идеей быстрого достижения справедливости путем механического устранения «помех», а не долгой, трудной и кропотливой работы над самим собой, русский человек получил несметное количество «правд», которые были хороши для каждого в отдельности, а сведенные воедино давали чудовищный результат. Истина, одна на всех, была утеряна.

Хотелось бы завершить статью словами Н.О.Лосского: «...страстная жажда осуществления царства Божия на земле без Бога и, следовательно, без абсолютного добра ведет к замене идеи Богочеловека человекобожием, а вслед за этим и к бестиализации человека, или, точнее, сказал бы я, к осатанению человека...» (Лосский 1991: 252).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. Правды и правдежки // Литературная газета. – 1990, № 46. – С.5.
2. Басинский П. Четвертая правда Леонида Бородина // Литературная газета. – 2002. – № 17. – С.7.
3. Бердяев Н. Русская идея. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 400 с.
4. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль. 1990. – 208 с.
5. Бородин Л. По поводу выставки И. Глазунова // Наш современник. – 1992. – № 8. – С.144-146.
6. Бородин Л. Пути христианского возрождения // Наш современник. – 1992. – № 8. – С.143-144.
7. Бородин Л. Третья правда // Роман-газета. – 1991. – С.16-66.
8. Верин В. Три правды // Литературная газета. – 1990. – №7. – С.4.
9. Клименко Е. В ожидании Афродиты, или Парадоксы прозрения // Литературное обозрение. – 1991. – № 6. – С.67-69.
10. Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Новый мир. – 1991. – № 1. – С.3-9.
11. Лосский Н. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. – М.: Политиздат. 1991. – 368 с.
12. Марченко Т. Смятенные люди смутного времени // Литературная Россия. – 1991. – № 16. – С.9.
13. Новейший философский словарь. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Тимошенко О. Где она, «третья правда»? // Москва. – 1990. – № 6. – С.204-206.
16. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1983. – 840 с.
17. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
18. Франк С. De profundis // Вехи (Сборник статей о русской интеллигенции). Из глубины (Сборник статей о русской революции). – М.: Правда, 1991. – С.478-499.
19. Штокман И. Слово и судьба. // Наш современник. – 1992. – № 9. – С.178-185.

Получено 28.10.2004 Губкинский филиал Белгородского государственного технологического университета имени В.Г.Шухова